

УДК 821.161.09-1 : 101

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М. А. ВОЛОШИНА

С. М. Пинаев

*Российский университет дружбы народов
кафедра русской и зарубежной литературы*

В статье говорится о формировании эзотерического мироощущения М. А. Волошина и его воплощении в творчестве поэта 1900-х годов. Особое внимание уделяется антропософской символике в ранних произведениях Волошина.

Ключевые слова: *мировоззрение, символ, космос, эзотерика, антропософия.*

Об оккультно-эзотерической стороне творчества М. А. Волошина говорится много, охотно. Но как-то общо. Поэт легко встраивается в литературно-эстетическую эпоху начала XX века, проникнутую различного рода мистическими учениями – от спиритуализма, масонства и теософии до чёрной магии и сатанизма. Действительно, это было время, когда, по словам Н. А. Бердяева, отношение «к мистике стало слишком лёгким, мистика делается достоянием литературщины и легко сбивается на мистификацию. Быть немного мистиком ныне считается признаком утончённой культурности, как недавно ещё считалось признаком отсталости и варварства» [1, с. 279]. В мистических устремлениях начала века просматривались, по мнению философа, два крыла: одно – связанное с православной религиозной эзотерикой, противостоящей официальной церковности, другое – с оккультизмом. Бердяев признавал, что наиболее интересным среди оккультных течений того времени было течение антропософское, поскольку оно привлекало более культурных людей.

Естественно, М. А. Волошин не остался в стороне от этих течений. Особенно в первое десятилетие века. М. В. Сабашникова вспоминает об «увлечениях Макса различными оккультными учениями поры Французской революции» [7, с. 109], а А. В. Амфитеатров утверждает, что в нём жила потребность «вообразать по преимуществу что-нибудь жуткое, сверхъестественное, мистическое. Воображал же он с такой силой и яркостью, что умел убеждать в реальности своих фантазий и иллюзий не только других, но и самого себя, что гораздо труднее» [7, с. 135]. Где же истоки подобного мироощущения? Когда всё это началось? Уж конечно, не в середине первого десятилетия XX века перед слушателями и читателями явился поэт-мистик, пребывавший в плену своих умопомрачительных фантазий. Да и увлечение Волошина оккультными учениями и Востоком не было столь уж легковесным, о чём свидетельствует близко знавшая поэта и хорошо его понимавшая М. И. Цветаева.

Корни волошинской природы открываются уже в детстве. Валентина Вяземская, дочь инженера-путейца Ореста Полиеновича Вяземского, в квартире которого в Ваганьково Елена Оттобальдовна с сыном поселились весной 1883 г., вспоминает много интересного и знаменательного о 7-летнем Максе, который уже познакомился со многими книгами из маминой библиотеки: «В нём было такое интересное сочетание наивной простоватости с острым умом и наблюдательностью. Он мог тут же поразить то нелепостью, то мудростью не по летам своих мыслей и суждений» [7, с. 69-70]. Было замечено, что юный Макс избегал некоторых «таинственных» мест в округе, произносил заклинания, а будучи подброшенным вверх сыном хозяина квартиры Валерьяном, уверял всех, что взлетел благодаря духам. «Наблюдая за ним, мы чувствовали, что ему казалось интересным верить в сверхъестественное, жизнь при такой вере казалась ему красочнее и увлекательнее обыденной» [7, с. 71].

Немалую роль в развитии этого богато одарённого ребёнка сыграли занятия со студентом Константиновского межевого института Н. В. Туркиным, который готовил Волошина к поступлению в гимназию. Обратим внимание на содержание этих занятий: «...кроме обычных грамматик, заучиванье латинских стихов, лекции по истории религии, сочинения на сложные не по возрасту литературные темы» [7, с. 30], беседы о спиритизме и буддизме, о Достоевском, «Одиссея» Гомера, «Дон Жуан» Байрона, рассказы Эдгара По, мифы Древней Греции. Своей «разнообразной культурной подготовкой я обязан своеобразному учителю – тогда студенту Н. В. Туркину» [4, с. 30], – констатирует поэт в «Автобиографии». Культурной – и следует добавить – эзотерической подготовкой. При этом религиозное воспитание Макса Волошина в этот период значительно отстаёт от общеинтеллектуального. «Его мать была интеллигенткой либерального склада, – заметит впоследствии вторая жена поэта Мария Степановна, – и это ей совсем не нужно было...» [7, с. 70]. «Вся эта сторона меня не коснулась в детстве...» [4, с. 31], признаётся и сам поэт, которого ожидали этапы мучительных подчас религиозно-философских «блужданий».

В отрочестве Волошин был близок к пантеизму, точнее, к панпоэтизму. Он вновь и вновь задумывался о том, что такое поэзия: «В каждом создании, везде, во всей природе, даже в самых низших проявлениях её, заключается поэзия, но только её надо там найти...» [7, с. 22]. И ещё одно умозаключение: «Идеал красоты – это сама природа. А люди в своих искусствах только стараются достигнуть этого идеала, но не могут...» [7, с. 22]. Но это пока ещё не эзотерические прозрения. А вот запись в дневнике, сделанная 5 марта 1893 г. по поводу прочитанного («В небесах» Фламариона): «Самая интересная мысль этого романа та, что Фламарион называет тело “временной оболочкой души”» [4, с. 25]. Мысль эта многократно и по-разному будет проявляться в поэзии Волошина.

Впрочем, ничего подобного в стихах совсем юного поэта мы пока не обнаруживаем. А вот в его дневнике появляются любопытные записи, например, такие (февраль 1894): «Человек – это яйцо, в котором во время его существования всё более и более развивается новая жизнь – душа. Смерть есть тоже рождение духа, а не тела. Душа настолько же себя не сознаёт в первые

моменты после смерти, как и человек не сознаёт себя во время рождения» [4, с. 34]. Здесь уже угадывается Волошин, склонный к антропософским умозаключениям, Волошин – автор стихотворений «Грот Нимф», «Пещера», «Материнство». Но ведь он ещё пока не знаком с трудами Е. Блаватской, Р. Штайнера, А. Безант и др.

Он читает исландские саги, переводит «Еврейские мелодии» Байрона и сам пишет стихи в духе Байрона (Гейне, Лермонтова): «Мне душно здесь среди этой лжи и прозы, // Среди этих пошлых фраз, напыщенных речей, // Мне гадко здесь! Подавленные слёзы // Невольно катятся с измученных очей. // Я должен, как и все, и лгать, и притворяться, // Быть искренним всегда приличье не велит, // Кто хочет в обществе блистать или вращаться, // Пусть общему себя закону подчинит!..» [2]. Или: «Утомлённый жизненной борьбою, // Потерявший веру в идеал, // Без любви, без счастья, без надежды, // Ничего я в жизни не искал...» [2]. И вдруг совершенно неожиданно, в промежутке между этими вяло романтическими произведениями, возникает небольшой философский поэтический цикл «Мысль и форма». Третье стихотворение этого цикла по форме и содержанию не похоже на то, что пока выходило из-под пера Волошина:

Людскому уму недоступны виденья из мира иного,
Все понимают лишь то, что могут увидеть глазами
Иль объяснить всем известным законом природы.
А дух гениальный, в сознаньи невидимой силы,
Сбросивши прочь человеческой мысли оковы,
В бездне хаоса находит великие мысли и чувства,
Которых понять невозможно толпе полудикой [2].

Перенесёмся немного вперёд – от гимназического этапа жизни в начало парижского периода. В сентябре 1902 года буддистка Александра Васильевна Гольштейн знакомит Волошина с хамбо-ламой Бурятии Агваном Доржиевым. «Буддизм в его первоисточнике» стал для поэта не просто какой-то новой, занятой теорией. «Это было моей первой религиозной ступенью» [4, с. 37], – пишет Волошин в «Автобиографии». Он «много сказал такого об нирване, что сильно перевернуло многие мои мысли, – сообщает он А. М. Петровой. – От него я, например, узнал, что в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением как насилие над личностью. Какая моральная высота сравнительно с христианством: религией пропаганды и насилия!» [6, с. 762-763]. Впрочем, о христианстве Волошин ещё успеет поразмыслить: оно будет соотноситься и с «горючим ядом» («Таноб») [2] и с «откровеньем вечной красоты» («Владимирская Богоматерь») [2].

«Всякая пропаганда идеи считается преступлением, как насилие над личностью» [8, с. 112] – этот тезис, подкрепляющий собственные убеждения поэта, которые тогда ещё только формировались, будет во многом определять его поведение и характер отношений с людьми. Идеино влиять на маленькую Нину (Нинику) Бальмонт (дочь поэта) или навязывать свою позицию жене, Маргарите Сабашниковой, – столь же безнравственно, как пропагандировать милитаристские лозунги или насильственно вводить в жизнь принципы социализма. Тогда же, в начале века, Волошин в очередной раз задумается о

европейской цивилизации, жестокой политике Запада в отношении восточных народов: «Никто не умеет так дотла уничтожать чуждые культуры, как Европа» [6, с. 763].

Буддизм действительно наложил печать на волошинское мировоззрение, на формирование его личности. Приведём одно из положений, относящихся к так называемым «изречениям Бай-чжана»: «Путь самоочищения заключается в том, чтобы освободиться от пут привязанностей. Если находящиеся на пути самоочищения не в состоянии освободиться от болезни алчности и ненависти, значит, они по-прежнему всего лишь ничего не слышащие и поглощённые мирскими интересами люди и их следует продолжать обучать сосредоточению и культивированию понимания» [10, с. 30]. Нет нужды лишний раз напоминать о волошинском «самоочищении» – «от болезни алчности и ненависти», от «пут привязанностей» к вещам, о его творческом кредо: «Стих создают – безвыходность, необходимость, сжатость, // Сосредоточенность...» («Подмастерье») [2].

А вот ещё установки, весьма актуальные в свете заявленной темы: «Что касается повседневной жизни – ешь простую пищу, чтобы поддерживать в себе жизнь, носи ветхую одежду, чтобы защитить тело от холода, а когда испытываешь жажду – зачерпни воды и выпей её...» [10, с. 41]. Не в этих ли словах заключён жизненный код «киммерийского отшельника», «босоногого» странника Волошина?.. Из «наставлений» Гуй-шаня: «Проникни в сущность истины, // Пусть пробуждение ведёт тебя к ней. // Освободясь и от сознания, и от объектов, // Не призывай и не вспоминай о них. // Когда чувства свободны от беспокойства, // И действие, и отдых мирны и безмятежны. // Когда единое сознание ничем не встревожено, // Мириады вещей пребывают в недеянии» [10, с. 58]. Волошин словно бы откликается на языке поэзии: «...И отдохни. И слушай, не дыша, // Как ключ журчит, как шелестят вершины // Осокорей, звенят в воде кувшины... // Учись внимать молчанию садов, // Дыханью трав и запаху цветов» [2].

Поэту была близка установка: «Как виноградная лоза, обвившаяся вокруг сосны, поднимается ввысь; так и высшее благо можно распространить, только опираясь на наилучшие основания» [10, с. 56]. Впоследствии, в период между революциями 1917 года, Волошин сформулирует эти «основания»: «Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь <...> Все положительные творческие силы человека – в любви. Любовью он вносит в мир новое, ею сочувствует в работе Иерархий в качестве одной из них» [4, с. 298]. И, пожалуй, самый главный принцип (Гуй-шань и Ян-шань. Изречения и диалоги): «Просто обратитесь к безбрежному океану собственной сущности и поступайте в соответствии с реальностью...» [10, с. 66]. Именно так и делал поэт как в мирное время, так и «в годы лжи, падений и разрух» [2], черпая силы в себе, напоминая всем и каждому: «Весь трепет жизни всех веков и рас // Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас» [2].

Однако вернёмся в начало XX века. В первом сборнике стихов Волошина (1910) значительная часть произведений отмечена влиянием оккультных учений. Изначально это обнаруживается в четырёх философских стихотворениях, представляющих собой небольшую композицию,

озаглавленную «Когда время останавливается» (1903-1905). «Именно к этому времени следует отнести увлечение поэта теософией, соединившей в себе элементы брахманизма, индуизма и буддизма, а также антропософией, западным вариантом теософии. Восток входит в образную систему стихов «причудливо переосмысленным, порою едва различимым сквозь теософское обличье, "приспособленным" к волошинским взглядам на человеческую жизнь как на бытие, разлитое в космическом времени и лишь на мгновение воплощённое здесь и сейчас в земной оболочке...» [11, с. 179]. Что и находит выражение в строках: «В безднах скрывается новое дно, // Формы и мысли смешались. // Все мы уж умерли где-то давно... // Все мы ещё не родились...» [2].

В «Записных книжках» Волошина за 1905-1907 гг. отражены размышления на тему «мгновение и вечность». Внимание поэта привлекает французский писатель-символист Марсель Швоб, в частности, его «Книга Монеллы» (1896), по выражению Волошина, «нагорная проповедь мгновения» [3, с. 48]. Выделим наиболее характерные записи: «Человек – это книга, в которую занесена история мира... Время – это четвёртое измерение пространства <...> Мы во времени как прозревшие слепые в пространстве <...> Мы видим всю историю мира в себе, сосредоточенную в одном мгновении, всё прошлое мира на одной плоскости, и мы не умеем смотреть в последовательности – расположить наше видение по законам перспективы <...> мгновение – это единственное восприятие настоящего, лезвие между прошлым и будущим. Отсюда проповедь мгновения как магического кристалла, сквозь который мы можем увидеть весь мир в его целом, пространственном и временном» [4, с. 48-50].

Третье стихотворение цикла «Когда время останавливается» начинается строфой: «Быть заключённым в темнице мгновенья, // Мчатся в потоке струящихся дней. // В прошлом разомкнуты древние звенья, // В будущем смутные лики теней» [2]. Поэт воспринимает жизнь сквозь «разрывы ткани // В вечном кружеве минут. // Я ловлю в мгновенья эти, как свивается покров // Со всего, что в формах, в цвете, // Со всего, что в звуке слов» (4-е стихотворение) [2]. Эзотерические прозрения Волошина будут зафиксированы в статье «Откровения детских игр» (1907). Стремление через мимолётное выразить вечное М. Волошин перенял у А. де Ренье. «Воистину мудр лишь тот, кто строит на песке, сознавая, что всё тщетно в неиссякаемых временах и что даже сама любовь так же мимолётна, как дыхание ветра и оттенки неба» [5, с. 61], – цитирует поэт лирическую миниатюру французского писателя, сопрягая её с известным стихотворением последнего в собственном переводе: «Приляг на отмели. Обеими руками // Горсть русого песку, зажжённого лучами, // Возьми... и дай ему меж пальцев тихо стечь. // Потом закрой глаза и долго слушай речь // Журчащих вод морских и ветра трепет пленный, // И ты почувствуешь, как тает постепенно // Песок в твоих руках... и вот они пусты. // Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты // Лишь горсть песка, что жизнь порывы воль мятежных // Смешает, как пески на отмелях прибрежных...» [2].

Сочетание мгновения и вечности, преходящего и неизбывного, смерти и эроса должно ассоциироваться с внутренним сознанием своего «я» («...подумай, что и ты // Лишь горсть песка...» [2]). Творческий импульс даёт

возможность ощутить внутри себя «весь великий сон земли». Почувствовать божественную целокупность мира значит дать изображение «Лица Невидимого» в «медалях творчества», самые прекрасные из которых сделаны «из глины сухой и хрупкой», потому что в этой хрупкости скрыта правда, роднящая их с мимолётностью всех явлений: «всё преходящее есть символ» [5, с. 59], а всё мировое целое «находит себе отображение лишь в текущих и преходящих формах» [11, с. 61]. Божественные первообразы, платоновские эйдосы, идеальные сущности вещей и явлений напоминают о себе тем, «...что они были живым лицом // Того, что мы чувствуем в розах, // В воде, в ветре, // В лесу, в море, // Во всех явлениях // И в нашем теле // И что они, божественно, – мы сами...» [2].

В 1909 г. в альманахе «Золотое руно» (№ 11-12) было опубликовано небольшое эссе М. А. Волошина «Норомедон», представляющее собой, условно говоря, первую часть своеобразной трилогии, включающей, помимо упомянутой, статьи «Анри де Ренье» (1910) и «Аполлон и мышь» (1911), вошедшие потом в книгу «Лики творчества» [5]. Сближало их наличие сходных философских мотивов, разрабатываемых поэтов в стихотворениях и очерках: время и творчество, мгновение и вечность, искусство в соотношении его отдельных видов, Аполлон и Дионис как единство противоположностей.

А в «Записных книжках» Волошина за 1905-1907 годы появляются выдержки из трудов по оккультизму, который он называет «наукой о равновесии», в том числе – «Тайной доктрины» Е. П. Блаватской, Каббалы (книги «Зогар»), упоминается «колода карт – древняя Таро», даётся вольный пересказ первой руны карело-финского эпоса «Калевала», встречаются наброски так и не написанной статьи «Судьба богов». Даже в этих набросках поэт оригинален и ярко парадоксален: «Мир сотворили скованные цепями боги. Боги наших предков становятся нашими дьяволами. Гермес – сумерки. Солнце его отец, луна его мать, и ветер носил его во чреве своём...» [4, с. 52-53]. Встречается переложение гимна древнеегипетскому богу солнца Ра, приводятся выдержки из «Бхагавадгиты», одной из составляющих индийского эпоса «Махабхарата», который Волошин называл в статье «О теософии» (1907) «одним из величайших Евангелий Человечества» [10, с. 60].

1907 год можно считать одним из самых плодотворных в творческой биографии Волошина и, если можно так выразиться, самым «эзотерическим». Не случайно именно в этом году было написано большинство произведений из цикла «Звезда Полюнь», в частности, «Кровь», «Солнце», «Луна», «Грот Нимф». К 1907 году относится создание своеобразной мифолого-эзотерической энциклопедии в миниатюре – «Гностического гимна Деве Марии». Это парадоксальный пример совмещения в одном образе разных значений, связанных с различными мифологиями и религиями. Дева Мария, к которой обращается поэт, далека от традиционного новозаветного образа. Она соотносится с греческой Афродитой, древнеиндийской Майей, олицетворяющей обман, иллюзию, оккультным образом Мула-Пракрити (Корень материи), символизирующим женское начало вселенной до его проявления в реальном мире. Дева Мария ассоциируется также с Марой, буддийским божеством, выражающим зло и соотносимым со смертью, Майей (королева Маха Майя Деви), матерью Будды, и Майей, дочерью Атланта,

зачавшей от Зевса Гермеса. Вестник богов Гермес был также проводником душ в Аид, его жезл погружал в сон (отсюда – «вечер Гермеса»). Ave Maria! – возглас, воспринимающийся в связи с католической молитвой, завершает этот эзотерический опыт.

Стихотворение «Сердце мира, солнце Алкиана...» (1907) имеет ещё одно название – «Гимн пифагорейцев». Как известно, последователи Пифагора считали музыкальное искусство важнейшим средством этического воспитания, а гимны использовали в ритуально-магических действиях. Волошин запечатлел здесь своё представление о раннепифагорейской астрономии и музыкально-гармоническом движении небесных сфер. Согласно немецкому астроному И.-Г. Медлеру, Алкиана (Алкиона, Альциона), наиболее яркая звезда в созвездии Плеяд, представляет собой своеобразный центр, вокруг которого вращаются «грозди солнц, созвездий виноград» [2]. Это вызывает определённые ассоциации с пифагорейской теорией, из которой следовало, что вся система звёзд движется вокруг Центрального Огня вселенной (у Волошина – «сноп огня»). Причём перемещение светил рождает гармонию, издаваемые ими звуки связаны с определёнными интервалами, сами же планеты разделены столь же гармоническими пространствами...

Однако эту музыку сфер могли слышать только избранные, в частности тот же Пифагор, да, возможно, древние халдеи: «Как рыбак из малой Галилеи, // Как в степях халдейские волхвы, // Ночь-Фиал, из уст твоей Лилеи // Пью алмазы влажной синевы!» [2]. Поэт уподобляет себя «рыбаку из малой Галилеи», то есть самому Пифагору, который, по преданию, прошёл через несколько телесных воплощений и перед тем, как стать легендарным философом с острова Самос, побывал и смиренным галилейским рыбаком.

Волошин соотносит звёздные светила с «золотыми числами Пифагора». Аритоксен в сочинении «Об арифметике» утверждал, что Пифагор ценил учение о числах больше, чем кто бы то ни было другой. Он продвинул его вперёд, отведя от практических расчётов и вместе с тем уподобив все вещи числам. Каждому числу (особенно первым четырём, так называемой пифагорейской тетрактиде, а также семёрке и десятке) придавалось сакральное значение, приписывалась божественная сущность. По мнению древних философов, определённые соотношения чисел составляли первооснову мира. Пифагорейцы, пожалуй, первыми пришли к убеждению, что книга природы написана на языке математики. Таким образом, «золотые числа Пифагора» выражают, по мысли Волошина, сущность мироздания, музыкальную гармонию бытия.

Законченной реализацией мистических настроений поэта в первое десятилетие творчества, выражением своеобразного философско-художественного эклектизма станет венок сонетов «Corona Astralis». Это, по словам Волошина, его «отношение к миру», заключающее в себе синтез религии, науки и философии. Это сплав знания и откровения, разума и эзотерических прозрений, уверенности художника в своих духовных возможностях и его преклонения перед тайнами вселенной и вечности.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества [Текст] / Н. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства : в 2-х т. Т. 1. – М. : Искусство, 1994. – С. 37–341.
2. Волошин, М. Все стихи [Электронный ресурс] / М. Волошин. – Режим доступа: <http://rupoem.ru/voloshin/all.aspx>. – Дата обращения: 21.12. 2012. – Загл. с экрана.
3. Волошин, М. А. Заметки 1917 года [Текст] / М. А. Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – М. : Правда, 1991. – С. 295–308.
4. Волошин, М. Записные книжки [Текст] / М. Волошин. – М. : Вагриус, 2000. – 174с.
5. Волошин, М. Лики творчества [Текст] / М. Волошин. – Л. : Наука, 1988. – 848с.
6. Волошин, М. А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / М. А. Волошин. – М. : Эллис Лак, 2009. – Т. 8. Письма 1893 – 1902. – 832с.
7. Воспоминания о Максимилиане Волошине [Текст]. – М. : Советский писатель, 1990. – 720с.
8. Космические легенды Востока [Текст]. – М. : Сфера, 1992. – 208с.
9. Купченко, В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916 [Текст] / В. П. Купченко. – СПб. : Алетей, 2002. – 512с.
10. Пять домов дзэн [Текст]. – СПб. : Евразия, 2001. – 256с.
11. Смирнов, И. «Всё видеть, всё понять...» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) [Текст] / И. Смирнов // Восток – Запад : Исследования. Переводы. Публикации. – М. : Наука, 1985. – С. 170–188.

RISE AND EXTENSION OF M. VOLOSHIN'S ESOTERIC PHILOSOPHY

S. M. Pinaev

Russian university of People's Friendship
The department of Russian and world literature

The article reveals the forming of esoteric views and their realization in M. Voloshin's creative work. The main thing is the nature of occult symbols set against antroposophic theory in the early poems.

Key words: *world, outlook, symbol, space, esoteric antroposophy*

Об авторах:

ПИНАЕВ Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), e-mail: serpinaev@mail.ru